

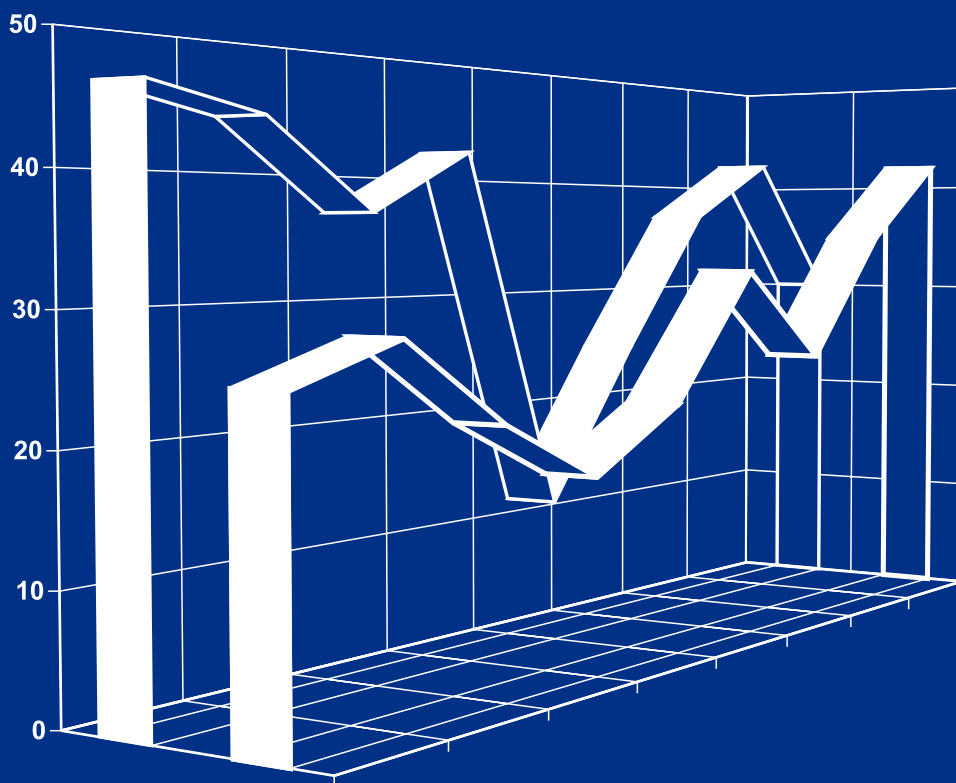
От мнений — к пониманию

ВЕСТНИК

THE RUSSIAN PUBLIC OPINION HERALD

ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Данные. Анализ. Дискуссии

1—2 (134)

ЯНВАРЬ — ИЮЛЬ 2023

Вестник общественного мнения

Данные. Анализ. Дискуссии

1–2(134)

Выходит 2 раза в год. Год издания 28-й

Январь–Июль 2023

Аналитический
Центр Юрия Левады
(Левада-Центр)

Редколлегия:

Л.Д. Гудков
(главный редактор)

Н.А. Зоркая
(ответственный
редактор)

М.Д. Красильникова
Л.А. Хахулина
(зам. главного
редактора)

СОДЕРЖАНИЕ

МОНИТОРИНГ ПЕРЕМЕН: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ 4

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Федор Воскресенский
Екатерина Воскресенская. Восприятие проблемы независимости
и самостоятельности российскими судьями 21

Антон ОЛЕЙНИК. Каналы пропаганды и их сравнительная
результативность: вторжение России в Украину 33

Марк Тольц. Роль брачности в современной рождаемости в России 49
Любовь Борусяк. Новая волна эмиграции 58

Сергей Николук. Аверс и реверс Союзного государства 73
Алексей Левинсон. Самочувствие российских евреев. Лето 2022 г. 80

Лев Гудков. Состояние массового антисемитизма и ксенофобии
в условиях военных действий России в Украине 94

МЕТОДИКА, КАЧЕСТВО, ДОСТОВЕРНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЙ

Екатерина Козеренко. Анализ недостижимости в «Курьере»
«Левада-центра» 108

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Лев ГУДКОВ. Негативная идентичность. Настроения населения
России в ситуации кризисов и войны 115

IM MEMORIAM

Татьяна Ворожейкина. Виктор Леонидович Шейнис (1931–2023) 177

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА – ДОКУМЕНТЫ ВРЕМЕНИ

Дмитрий ШАЛИН. Виктор Шейнис и Алла Назимова: «Сведение
счетов и установление меры ответственности каждого мне кажется
занятием малопродуктивным» 180

АВТОРЫ НОМЕРА 188

SUMMARY 191

НАСТОЯЩИЙ МАТЕРИАЛ
(ИНФОРМАЦИЯ) ПРОИЗВЕДЕН
И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАН-
НЫМ АГЕНТОМ АНО «ЛЕВАДА-
ЦЕНТР» ЛИБО КАСАЕТСЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНОСТРАННОГО
АГЕНТА АНО «ЛЕВАДА-ЦЕНТР»

Ответственный редактор
выпуска Н.А. Зоркая

Редактор
В.Ф. Бабицкая

Корректор
Е.В. Пищулина

Аналитический Центр Юрия Левады (Левада-Центр)
109012, Москва, ул. Никольская, 17. Тел. : (499) 755-40-30
E-mail: direct@levada.ru

При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна

Зарегистрировано Министерством РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
ПИ № 77981 от 10 декабря 2003 г.

© Левада-Центр, 2008 ISSN 2070-5107

The Russian Public Opinion Herald

Data. Analysis. Discussions

1–2(134)

Twice

January–July 2023

Analytic Centre
Yury Levada
(Levada-Centre)

Editorial Board

Lev Gudkov
(*Editor-in-Chief*)
Ludmila Khakhulina
(*Deputy Editor-in-Chief*)
Marina Krasilnikova
Natalia Zorkaya
(*Executive Secretary*)

CONTENTS

MONITORING OF CHANGES: PRINCIPAL TRENDS	4
SOCIAL ISSUES	
The Perception of the Problem of Independence and Self-sufficiency by Russian Judges (by Fedor Voskresensky, Ekaterina Voskresenskaya)	21
Propaganda channels and their compared effectiveness (by Anton Oleynik)	33
Marriage as a Factor in Contemporary Fertility in Russia (by Mark Tolts)	49
The new wave of emigration of the educated: why did they leave and do they plan to come back (by Lyubov Borusyak)	58
Heads and Tails of the Union State (by Sergey Nikolyyuk)	73
The well-being of Russia's jews: summer 2022 (by Alexey Levinson)	80
Current state of antisemitism and xenophobia in Russia (by Lev Gudkov)	94
STUDY METHODS, QUALITY, RELIABILITY	
Inaccessibility analysis in Levada Center's Courier (by Ekaterina Kozerenko)	108
PUBLIC OPINION STUDIES METHODOLOGY	
Negative identity. Russia's populace's outlook in times of crisis and war (by Lev Gudkov)	115
IM MEMORIAM	
Victor Leonidovich Sheinis (1931-2023) (by Tatiana Vorozheikina)	177
FIRST PERSON ACCOUNT – TIME DOCUMENTED	
Victor Sheinis and Alla Nasimova: "Settling scores and determining the degree everyone's responsibility seems like a fairly nonconstructive endeavor to me" (by Dmitry SHALIN)	180
AUTHORS OF THE ISSUE	188
SUMMARY	191

IM MEMORIAM

Виктор Леонидович Шейнис (1931–2023)

10 августа 2021 года Виктор Леонидович Шейнис написал в некрологе своему другу Сергею Адамовичу Ковалеву: «Узнавая его, думая о нем, встречаясь и разговаривая с ним, мы, наверное, не всегда задумывались о том, как личность может ознаменовать время. И сколь немногих для того ниспосылает нам время от времени судьба России. Как во все времена, то, в котором прожили мы, посылало нам, думающим и мечтающим российским интеллигентам, вдоволь надежд и радостей, потерь и разочарований. <...> И сейчас, провожая Сергея Адамовича в последний путь, надо иметь честность и мужество сказать: да, кончается время, уходит наше поколение, так и не достигнув исполне-

ния своих надежд на желанные перемены. Хотелось бы, конечно, вернуться назад и многое переделать заново и в себе, и вокруг себя. Но если годы прожиты не зря, то это и потому, что перед глазами всегда был пример Ковалева, его понимание непростых вещей, его смелость, честность и мужество в противоречивых обстоятельствах и нередко вопреки им — поступать по совести».

Теперь, когда ушел и Виктор Леонидович, все это с полным основанием можно отнести и к нему самому. Он, несомненно, был личностью, ознаменовавшей время — время оттепели, время перестройки, время 1990-х. Его биография одновременно и типична, и уникальна

для поколения шестидесятников. Шейнис родился в 1931 году в Киеве. После войны и эвакуации они с матерью уехали в Ленинград, где в 1953 году Виктор Леонидович окончил исторический факультет университета и три года работал учителем истории в школе. В 1957 году он написал статью о советском вторжении в Венгрию в ноябре 1956 года. За это в 1958 году был исключен из комсомола и отчислен из аспирантуры Института востоковедения АН СССР, после чего шесть лет проработал расточником на Кировском заводе в Ленинграде, о чем всегда говорил с большой гордостью.

С 1964 года начинается очень успешная академическая карьера Виктора Леонидовича. Окончив аспирантуру, он до 1975 года работает в Ленинградском университете, из которого в 1975 году его уволили после того, как первый секретарь Ленинградского обкома Романов высказал недовольство тем, что «такие люди, как Шейнис» преподают в ЛГУ. В 1977 году Шейнис переезжает если не в более свободную, то менее душную Москву, где становится ведущим, а потом главным научным сотрудником Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. За время работы в ИМЭМО под руководством Шейниса вышло несколько фундаментальных научных работ, посвященных экономике и социальным проблемам развивающихся стран.

В конце 1980-х годов жизнь Виктора Леонидовича вновь резко меняется. Он активно включается в политическую жизнь пробудившегося общества, становится членом «Московской трибуны», выступает с публичными лекциями и статьями в перестроечных газетах. В конце 1989 года Отдел развивающихся стран ИМЭМО выдвигает Шейниса кандидатом на Съезд народных депутатов РСФСР. Мне довелось быть свидетелем и участником избирательной кампании Виктора Леонидовича, который проявил фантастическую энергию и выносливость, встречаясь на протяжении трех месяцев с жителями не самого благополучного, спально-академического Севастопольского района Москвы. В марте 1990 года он выигрывает выборы с большим отрывом от остальных 15 кандидатов по этому избирательному округу.

Став депутатом Съезда и избранного из его состава Верховного Совета, Шейнис посвящает свои главные усилия написанию новой Конституции Российской Федерации. Он был

заместителем председателя Конституционной комиссии Съезда и одним из авторов наиболее важных глав будущей Конституции, в частности главы второй, посвященной правам и свободам человека и гражданина. В 1992–1993 года Шейнис отстаивает выработанный Конституционной комиссией проект Конституции в жесточайшей политической борьбе и с большинством Съезда, и с президентской властью, которая предложила свой вариант Основного закона. На собранном президентом Ельциным Конституционном совещании в июне 1993 года Шейнис сделал все возможное для того, чтобы скрестить, как он говорил, два проекта Конституции, сохранив в тяжелейших политических условиях того времени ее демократическое содержание. Поддерживая Ельцина в его противостоянии со Съездом народных депутатов, Шейнис был противником его неконституционного роспуска в сентябре 1993 года. В декабре 1993 года он избирается депутатом первого и в 1996 году — второго созыва Государственной думы РФ сначала от избирательного объединения «Явлинский - Болдырев — Лукин», а потом от партии Яблоко, видным членом которой он оставался всю жизнь. В 1994–1995 годах Шейнису удалось добиться принятия Думой избирательного закона, который, как он считал, полностью соответствовал международным стандартам и даже в некоторых отношениях превосходил их. После ухода из Государственной думы в 2000 году Шейнис написал два фундаментальных труда, посвященных политическому развитию России: «Взлет и падение парламента: переломные годы в российской политике (1985–1993)». Т. 1–2. М., 2005; «Власть и закон: Политика и конституции в России в XX–XXI веках. М.: Мысль, 2014».

Одним из важнейших качеств Виктора Леонидовича как политика и как человека была его твердость и последовательность в отстаивании того, что он считал главным, и в то же время готовность слушать других, понимать их позицию и идти на компромисс. Его всегдашнее непоколебимое спокойствие (за 46 лет знакомства и дружбы с ним я ни разу не видела, чтобы он вышел из себя), внешняя мягкость, его неизменное уважение к оппоненту и очевидная для всех, но никогда не афишировавшаяся внутренняя сила и человеческая состоятельность делали его одним из лучших представителей того уходящего поколения русской интеллигенции,

о котором он говорил в отношении Ковалева. Этому поколению довелось дважды пережить великие надежды и дважды — их крушение. В последние 20 лет его жизни и истории страны Шейнис с горечью осознавал, как уничтожаются те демократические институты, на создание которых он положил огромные силы, жизнь. Видеть практически ежедневную политическую деградацию страны (он до последних дней был в курсе новостей и неутомимым читателем оставшихся газет) было для него тяжелейшим

испытанием. Он до конца оставался последовательным и честным перед самим собой. И как политик, и как интеллектуал он ни разу за всю свою долгую жизнь не пошел против собственной совести и отстаивал свою позицию, практически всегда оставаясь в меньшинстве. Шейнис был честным русским интеллигентом, его внутренний нравственный компас всегда удерживал его на правильной стороне истории.

Татьяна Ворожейкина

Дмитрий ШАЛИН

Виктор Шейнис и Алла Назимова: «Сведение счетов и установление меры ответственности каждого мне кажется занятием малопродуктивным»

Я познакомился с Виктором Леонидовичем в конце 1960-х на философском факультете Ленинградского университета, где он читал студентам курс политэкономии. Сразу же привлекла к себе его спокойная манера, внимание к собеседнику, нежелание навязывать свои мысли. Меня всегда притягивали люди с таким характером, который иногда путают с мягкотелостью. Когда я познакомился с Виктором ближе, стало ясно, что это человек не только принципиальный, но и мужественный, о чем свидетельствует его поведение во время венгерского восстания 1956 года, последовавшее за тем исключение из комсомола, нестандартные работы по госкапитализму, печатавшиеся после его восстановления на кафедре по завершении вынужденной паузы для работы на заводе.

Виктор Леонидович был одним из первых, с кем я пришел советоваться в середине 70-х, когда замаячила возможность легальной эмиграции. Объясняя свою позицию по данному вопросу, он привел такую притчу. Официально в нашей стране дважды два — двенадцать, говорил Виктор. Своим студентам я даю понять, что

это восемь. А ты и еще пара студентов слышали от меня, что дважды два — четыре. Я вижу свою миссию в том, чтобы процесс познания не прекращался, чтобы было кому передать факел просвещения.

Я тогда подумал и, кажется, сказал своему собеседнику, что печальна судьба человека, посвятившего жизнь доказательству того, что дважды два — четыре, что (выражаясь современным языком) свобода лучше, чем несвобода. Ведь есть еще алгебра, интегральное исчисление, проблемы высшего порядка, исследовать кои невозможно в нашей стране... Если я тогда действительно высказал такого рода соображения — тут меня может подвести память, — то это было бестактно с моей стороны. Но в то время я действительно так думал. Сейчас, когда мои соотечественники стоят перед сложными решениями, вопрос этот сохраняет актуальность.

Летом 1990-го, после 15-летнего отсутствия, я приехал Россию. В то время я занимался проектом по русской интеллигенции, брал интервью с российскими обществоведами, некоторые из которых публиковались в российской

печати¹. В числе моих собеседников был Виктор Леонидович Шейнис. Первое интервью с Виктором и его супругой Аллой Назимовой проводилось у них дома в Москве 17 июля 1990 года. Разговор шел о мотивах вступления в и выхода из КПСС, роли интеллигенции в перестройке и о будущем горбачевских реформ. Второе интервью было записано 28 мая 1992 года в офисе Виктора Леонидовича, который тогда был депутатом СНГ и ВС РФ, и оно касалось новой российской Конституции. Размышления Виктора Шейниса предлагаются вниманию читателя в год его смерти².

Дмитрий Шалин

Лас-Вегас, 26 июня 2023 г.

Шалин: ...Я только сейчас уточню дату. Что у нас сегодня — уже почти 19 июля?

Назимова: Нет-нет. 18 июля.

Шалин: А, да. 18 июля 1990 года. Я разговариваю с Аллой...

Назимова: Назимовой.

¹ К настоящему времени опубликованы следующие интервью: *Шалин Д.* «Я считал, что было бы неестественно вести себя как-то иначе». Интервью с Юрием Левадой // Социологический журнал. 2008. № 1. С. 155–174; URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/vy_ds_dialogues.pdf. *Шалин Д.* «По мере созревания нравственная конфронтация становилась политической». Беседа с Андреем Алексеевым, Олегом Божковым, Галиной Саганенко и Леонидом Кесельманом // Телескоп. 2010. № 4. С. 1–13; URL: http://cdclv.unlv.edu/pragmatism/shalin_aa_90.pdf. *Шалин Д.* «Попытки изменить эту систему я предпринимал не раз». Интервью с Игорем Коном // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 100–137; URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/kon_96.pdf. *Шалин Д.* «Если бы в начале 80-х меня куда-нибудь бы выпустили, я бы точно не вернулся». Интервью с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2019. № 2; «Я мог бы написать свою биографию в ключе жертвы режима, в ключе успешного карьериста, в ключе таланта, который не полностью раскрылся в данной системе, и посредственности, которая реализовала себя на максимуме». Интервью с Игорем Коном // Социологические исследования. 2019. № 6. *Шалин Д.* «...После моей смерти ты можешь это напечатать». Интервью с Игорем Коном // Вестник общественного мнения. 2019. № 1–2. *Шалин Д.* «Я этим и занимаюсь и не раз видела свои мысли в выступлениях Ельцина». Интервью с Мариеттой Чудаковой. URL: http://cdclv.unlv.edu/archives/articles/shalin_chudakova_interview_96.pdf; Мониторинг общественного мнения. 2021. № 3–4. См. также: *Шалин Д.Н.* Из переписки с Игорем Коном // Мониторинг общественного мнения. 2018. № 6; URL: <https://monitoringjournal.ru/index.php/monitoring/article/view/547/489>.

² Участники данного интервью-диалога познакомились с расшифровкой звукозаписи и предложили поправки. В нижеследующем тексте длительные паузы, смысловые разрывы и перебивы обозначены многоточием. Расчленение речевого потока на отдельные предложения делалось прежде всего с целью облегчить чтение текста. В тех случаях, когда голоса участников разговора накладывались друг на друга, речевые ряды разведены. Некоторые междометия и повторяющиеся слова типа «вот», «там», «значит» опущены. Вопросы ведущего в некоторых случаях слегка сокращены.

Шалин: Аллой Назимовой. Виктор Шейнис к нам скоро подключится. Меня интересует проблема ответственности [поднятая Владимиром] Солоухиным. Можно ли сказать, что мы все виноваты или все не виноваты, или мера ответственности должна определяться индивидуально? Вот вы сказали, что вступали в партию, когда уже были разочарованы в ней.

Назимова: Думаю, что мера ответственности каждого должна быть осознанна и принята как нравственная мера, как некая нравственная планка. Предположим, я вступала в партию из прагматических соображений или, наоборот, верила в те идеалы, которые защищала партийная программа. Этого не было. Не то чтобы я вступала в партию только из карьеризма. В наше время быть обществоведом практически — на 99 процентов — означало быть членом партии. Речь не шла о большой карьере, а просто о возможности заниматься гуманитарной профессией. Конечно, когда я вступала в 1974 году, я вполне отдавала себе отчет в том, что такое партия. Мне уже было не так мало лет, прошел XX съезд, вся оттепель, удушение оттепели, начался брежневизм. Тем не менее слабость и желание заниматься профессией меня на это дело подвигли. Но мне не хотелось бы вставать на точку зрения, которой придерживается Солоухин: что все виноваты, время виновато, что надо судить время, а мы действовали как все, и вина общая. Есть у Окуджавы одна очень хорошая, очень точная песенка. Я думаю, она относится к нашему поколению. Как первая война (это песенка о войне) — то ничья вина, вторая война — чья-нибудь вина, а уж третья война — то моя вина.

Шалин: «А моя вина, она всем видна».

Назимова: Да. И сегодня, когда решается вопрос о выходе из партии, а я для себя этот вопрос решила, это для меня не только вопрос расставания с партбилетом и куском жизни, но и вопрос нравственный [связанный с покаянием]. Мне бы хотелось, выступая на собрании с этим заявлением, сказать, что, к сожалению, я стала храброй и могу сделать сегодня такое заявление, поскольку это уже дозволено. Почему я и расхрабрилась. Конечно, достойны всяческого уважения люди, которые решались на этот поступок, когда в этом был риск, когда [такой шаг] мог, по крайней мере, приостановить карьеру. С этой точки зрения мне кажется, что Ельцин в своем заявлении [о выходе из партии] мог бы произнести какие-то слова покаяния. Потому что он плоть от плоти, кость от кости партии... Мне кажется, что это очень

важно для нравственного здоровья общества. Я должна чувствовать, что в моем шаге совсем нет фальши. Просто выйти — в этом есть фальшивая нота. Мы как раз с Виктором об этом разговаривали, и он сказал, что «почему-то у меня неприятный осадок от этого поступка». Я подумала и сказала ему, что, может быть, такое чувство как раз с этим связано. Не говоря уже о том, что очень трудно отказываться от своей биографии. В конце концов, прожита жизнь, в сущности, дело идет к шестому десятку. Прожита жизнь, и отказываться от своей биографии одним росчерком, не произнеся вот этих слов внутри себя и вслух, чтобы было ясно всем окружающим, — мне кажется, что такой поступок делать было бы неверно.

Шалин: Был ли там континуум, который осознавался интеллигентными людьми...

Назимова: Там это?..

Шалин: В 60-е, 70-е годы, в застойные времена. Где на одном конце были люди вроде Солоухина, люди у кормушки, которые продадут все и всех. Люди, которые молчали или голосовали. Затем те, кто, скажем, как Каверин, не пришел на собрание, где выгоняли Пастернака [из Союза писателей], — не такой уж геройский шаг, казалось бы, но по тем временам он...

Назимова: Тогда он был геройским. Конечно.

Шалин: ...И теми, кто выходил на площадь, [или] Буковский, Сахаров, Солженицын. Где та грань, за которой человек переставал быть порядочным в среде интеллигенции, и где он, даже идя на компромисс, все-таки оставался человеком вполне... [Я имею в виду] таких, как вы, как Виктор.

Назимова: Согласно расхожему анекдоту порядочный человек — это тот, кто не делал подлостей по собственной инициативе.

Шалин: А я слышал другое определение: порядочный человек — это тот, кто делает гадости с отвращением.

Назимова: Нет, такого не слышала. (*Смеется.*) В нашем кругу это был человек, который не делает подлостей... Я думаю, что такая грань существует, и выделила бы здесь два критерия. Один из них — осознание своего греха, понимание греховности того, что ты делаешь. Надо понимать: то, что ты делаешь, — плохо... Это важно для сохранения своего морального здоровья. И второе, не делать индивидуального поступка. Другое дело, когда ты пассивно участвуешь в действиях толпы...

(*Виктор Леонидович присоединяется к разговору, наливает чай и садится к столу.*)

Шалин: В этом смысле мера ответственности Солоухина выше, чем ваша, хотя бы потому, что вы молчали. Человек, помогавший диссидентам, еще менее ответствен. А Буковский был полностью порядочным человеком?

Назимова: Разумеется.

Шалин: И позиция Солоухина — это самовыгораживание.

Назимова: Конечно. Это было и так понятно. Кто-то Солоухину остроумно отвечал — не то Татьяна Иванова, не то еще кто-то из наших хороших публицистов... Его мера ответственности усугубляется тем, что он не понимает своей греховности.

Шалин: Оборачиваясь в прошлое, видите вы в нем какие-то свои поступки, за которые сейчас может быть стыдно, которые балансировали на грани порядочности, где надо было встать и выступить, скажем...

Назимова: Дима, я думаю, что мне просто повезло, потому что не было таких ситуаций. Все-таки мы жили в относительно вегетарианское время. Будь это сорок лет назад, наверное, ситуация могла бы быть другой...

Шалин: Но какую-то меру ответственности вы на себя берете.

Назимова: Да, конечно. Тем более что были уже образцы поведения, заданные Сахаровым. Я все время понимала, что я нахожусь ниже этой нравственной планки... Должен быть суд, но суд собственный, нравственный, хотя бы и не произнесенный вслух... Такое гласное самоосуждение добавляет атом кислорода в нашу атмосферу.

Шалин: Я заметил, что в какой-то момент люди вроде Бондарева перешли в атаку: «Тот вы все сейчас раскричались, а где вы были тогда — кто писал рецензию на мемуары Брежневца? И кто вам дал право сейчас распространяться...» В этой критике что-то есть, не правда ли? Задним числом легко идти впереди, а где вы были тогда? Мол, между нами нет большой разницы. И в то же время — это неправда.

Назимова: Неправда, неправда...

Шалин: (*суммирует суть предыдущего разговора Шейнису*).

Шейнис: Дима, во-первых, я против охоты на ведьм в любом варианте. Я против того, чтобы разыскивать и пригвозждать к позорному столбу...

Шалин: Кого бы то ни было.

Шейнис: Во всяком случае всех или широкий круг людей. Я думаю, что, конечно, первых учеников надо выставить на обозрение. И я принимал участие в предании гласности под-

вигов определенной группы лиц на экономическом факультете Ленинградского университета, у которых [подлость?] в крови. Но, в принципе, сведение счетов и установление меры ответственности каждого мне кажется занятием мало конструктивным. Это первое. Теперь второе. Я думаю, что нынешнее поведение человека весьма существенно для того, чтобы его оценить. Когда была опубликована очередная довольно гнусная статья против Гавриила Попова, кажется, в «Советской России» или какой-то столь же мало почтенной газете, появились цитаты о том, что Попов тогда-то и тогда-то писал то-то. Несколько дней спустя я встретил Попова и сказал ему: « Ну вот, поздравлю, вас отметили ». На что Попов живо откликнулся: « Это Нина Андреева не меняет принципы, а я развиваюсь. Я живой человек, я меняю принципы ». Я думаю, многое можно простить...

Шалин: А он действительно что-то такое нехорошее говорил?..

Шейнис: Я бы не стал тут вести разыскания... Думаю, что это достаточно случайное...

Назимова: Цитата из партийных документов скорее.

Шалин: Он никого не изгонял откуда-то...

Назимова: Дима, у нас всегда была некоторая шкала или, как вы, социологи, любите говорить, «континуум», на которой выстраивались группы людей. И всегда были люди, о которых было известно, что этот человек более профессионален, меньше цитирует... или цитирует только для проформы, или выставляет заслон... И у Ленина, как и во всяком партийном документе, есть разные места, которые можно было брать на вооружение. И если ты человек профессиональный или, скажем, левый, то ты берешь те места, которые служат какой-то доброй идее, здравому смыслу, а не оправданию политических нужд власти. Или, наоборот, какие-то общие места, чтобы только прокукарекать. Попов был из [нашей] когорты людей. У него всегда были интересные книги.

Шейнис: Серьезные претензии предъявляются Коротичу. Я не очень хорошо знаком с его работами, с его публикациями, хотя допускаю, что писал он малосимпатичные вещи. Но я думаю, что за то, как он сейчас поставил «Огонек», где-то там, на Страшном суде, это ему простится. И люди, которые вытаскивают его прежние цитаты, не столько недовольны его прежней деятельностью, сколько им не нравится сегодняшней «Огонек».

Шалин: Их сверхзадача ясна.

Шейнис: Потом Алла сказала, что существует какая-то неуловимая грань между тем, что заслуживает снисхождения, и тем, что снисхождения не заслуживает. Я согласен, что эта грань неуловима. Если бы ее нужно было как-то формализовать, то сделать это было бы невероятно трудно... Но я думаю, что применительно к каждому конкретному человеку это сделать не очень сложно. Если знать этого человека. Круг духовно близкой мне интеллигенции имеет достаточно совпадающее мнение об Иксе, Игреке, Зете и так далее.

Шалин: Поскольку оценки сходятся, можно предположить, что за этим стоит какой-то [феномен]. А выход из партии — почему он создает чувство неловкости...

Назимова: Дискомфорта.

Шалин: Дискомфорта. С чем это связано?

Шейнис: Если попытаться это отрефлексировать... Я вступил в партию в 63-м году. Тогда у меня не было особых иллюзий относительно этой партии.

Шалин: Может быть, какие-то иллюзии все-таки были?

Шейнис: Нет.

Назимова: Нет, нет, нет — только относительно того, что партия является главной общественной силой и только через нее можно что-то делать.

Шейнис: Как вы рационализировали свое вступление в партию?

Шейнис: Сейчас скажу. Я считал, и думаю, что, в общем, это подтвердилось, что, только будучи в партии, я могу реализовать себя в той сфере, в которой я хотел себя реализовать. В отличие от некоторых других моих коллег у меня не было возможности заниматься гуманитарией, не вступив в партию, после того как меня исключили из комсомола и отправили на Кировский завод.

Шалин: Это было средством, а не целью.

Назимова: Виктор, мне кажется, что у тебя тут есть некоторая абберрация. Я помню наши с тобой длинные разговоры — я тогда была крайним противником, как ты помнишь...

Шейнис: Да, я помню.

Назимова: А ты, помимо личных мотивов, доказывал мне, что через партию можно изнутри что-то изменять...

Шейнис: Правильно, правильно. Я так считал, и я считаю, что был прав. Потому что в рамках партийных структур заданы были те импульсы, которые привели к перестройке...

Шалин: Если не было бы Яковлева и Попова, то, возможно, не было бы и...

Шейнис: Да, конечно. Должен сказать, что если у меня были оценки, которые я пересматривал, то скорее в противоположную сторону. Я очень плохо в те времена относился к Хрущеву. Очень плохо. Перемена моего отношения к нему произошла, когда его сместили, когда пришли другие люди и стало хуже. Но, в общем, к Хрущеву я относился скверно и не переоценил свое отношение к тому, что [тогда вызывало у меня чувство протеста]. Просто соотношение того, что на памятнике [Хрущеву работы Эрнста] Неизвестного — светлого и темного, — это соотношение тогда мне виделось несколько иначе... Но то, что я считал темным тогда, я продолжаю считать темным сейчас... Поэтому я не жалею, что я тогда вступил в партию.

Я думаю, что в моем конкретном случае это было правильно. Что касается моего выхода из партии, то тут есть два момента. Во-первых, [вряд ли] партия сейчас стала хуже, чем тогда, когда я в нее вступал. Если взять всю совокупность 19 миллионов [ее сегодняшних членов], то она сейчас лучше, чем когда я в нее вступал. [Не то чтобы] я в нее наивно вступил, когда у меня были иллюзии, а сейчас у меня иллюзии, видите ли, развеялись, у меня и тогда не было иллюзий. Изменились обстоятельства. В этих обстоятельствах партия, партийная структура играет несколько иную роль. Не несколько, а существенно иную роль. Это первое. Второе, по-видимому, заключается в следующем. Я не на сто процентов уверен, что самая верная тактика в нынешних условиях — выходить из партии... Я думаю, что еще можно извлечь что-то полезное из структуры партии. Отличие моей позиции от позиции большинства моих единомышленников, коллег, большей части московских депутатов, скажем, и других заключается в том, что я не считаю себя противником Горбачева. Хотя я очень четко дистанцирую себя от некоторых его последних акций или отсутствия таковых (Тбилиси, Карабах, Вильнюс).

Шалин: То есть он не является силой, полностью израсходованной.

Шейнис: Да, мне кажется, что это так.

Назимова: Еще есть один существенный момент, Дима, в том, что [касается вопроса] надо или не надо покидать партию, что партия сегодня — это дохлая собака. К сожалению, пока еще нет других структур, которые могли бы ее заменить...

Шейнис: Вот это очень существенно.

Назимова: В особенности в провинции... Мы, все, кто сам уходит, подаем пример дру-

гим — может быть, мы берем на себя [слишком много] ответственности, потому что нет структур, которые ее заменят...

Шалин: То есть ex post factum может оказаться, что поторопились.

Назимова: Да, так... Наше влияние столь ничтожно, что мы вряд ли смогли бы противостоять опытным аппаратчикам со всеми их отлаженными механизмами. Это и на выборах было очевидно.

Шалин: Ваша задача в основном образовательная — сеять семена, которые со временем...

Назимова: Да, во-первых, образовательная... И даже не столь плох мой выход или выход Виктора, как массовый исход людей и ослабление всей этой структуры сверху донизу. Потому что оно может оказаться очень деструктивным для [всей ситуации].

Шалин: Если можно вернуться к ранее затронутой теме — кто-то мне высказал такую мысль, что Сахаров мог бы сделать гораздо больше для страны, для диссидентского движения, если бы был более осторожен и не спровоцировал высылку в Горький. В этом смысле те, кто выходил на площадь, становились героями с последующим выездом в Сибирь или на Запад, они, возможно, не были исторически разумны... Нужно было осторожничать, воспитывать учеников и так далее. Я не согласен с этим, но...

Шейнис: Дима, я думаю, что истории были нужны все: и те, и другие. Каждый из них выполнял свою миссию. Конечно, люди, которые выходили на площадь, заслуживают самого высокого уважения...

Назимова: Это задавало определенную планку, давало образцы поведения, которым не все могли следовать, которым могли следовать единицы...

Шалин: Не каждому быть Буковским.

Назимова: Да, не каждому. Но эти образцы поведения были важны. Нам нужно, чтобы они были. Иначе общий уровень очень [снизится].

Шалин: Был такой момент у вас обоих, когда вы все-таки верили, скажем, в пионерском возрасте, когда верилось, что наше общество оно самое-рассамое, что мы строим светлое будущее и так далее. И где тот момент, когда вы впервые засомневались, что послужило тому толчком?

Шейнис: Да, конечно. Я это хорошо помню. Во всяком случае, я правоверным никогда не был. Не случайно у меня постоянно были столкновения с комсомольскими властями. Меня дважды выгоняли из комсомола.

Шалин: Когда примерно?

Шейнис: Первое мое персональное дело было с политической окраской на первом курсе... В сорок девятом году с формулировкой «за поддержку антипатриотического выступления на диспуте». Конечно, в то время я мало понимал. То есть я достаточно ясно видел ситуацию на факультете, где я учился, — в смысле состава, структуры, соотношения сил. Я не связывал это с общей ситуацией. Когда я своим близким друзьям [высказывал свои сомнения], их довод был: «Ну, как же так, этого не может быть. Ведь в целом хорошо, почему же у нас не ладится в масштабе факультета?»

Назимова: ...Виктор закончит свою мысль, я только скажу коротко, что я была другим человеком — по семье, воспитанию, потому что была девчонкой, — я была менее политизирована и достаточно инертна и конформна...

Шалин: То есть где-то верили.

Назимова: Нет, я не верила, потому что всегда знала — есть разница между тем, что написано в газете, и тем, что в реальной жизни... Я всегда ощущала различие между официальной позицией и [реальностью]...

Шейнис: Чтобы Дима успел на метро, которое через 15 минут закроется, нам нужно...

Шалин: Алла сказала, что она меня подбросит.

Назимова: Да, конечно.

Шалин: И в какой момент отпали шоры?

Шейнис: Вот о том я хочу сказать. Очень четко могу назвать дату. Смерть Сталина. И какие-то первые события, которые вслед за этим развернулись. Я очень хорошо помню майские праздники 54-го года. Алла была в больнице. Приехал наш друг, который работал в провинции. Мы сидели на скамеечке во дворе больницы и по пунктам производили тотальный пересмотр всего. Что-то оставалось еще ряд лет, еще в начале 60-х...

Назимова: Прости, тут недавно мы смотрели заключительный момент Съезда народных депутатов, и [когда] все стали петь «Интернационал», то тут посыпались шуточки. И все-таки остается какое-то [чувство], что-то заложенное на генном уровне, в подкорке...

Шалин: Что-то такое в тебе поднимается...

Назимова: Ну, не то что поднимается, но где-то щемит в позвоночнике. (Смеется.)

Шалин: А когда у вас произошла перемена?

Назимова: Я думаю, что мне было проще. Тут я уже шла за Виктором, мы были недавно женаты...

Шейнис: Не недавно, мы были женаты год.

Назимова: Ну, год. Считается за десять первый год. (Смеется.)

Шалин: И уже полностью все прояснилось во время чехословацких событий?

Шейнис: Не-е-ет. Значительно раньше.

Назимова: Во время венгерских событий, когда мы втемяшились в дело Пименова³. Кстати, ты знаешь, что Пименов тоже депутат? Он сейчас депутат от Коми.

Шалин: Что-то я смутно вспоминаю. Его отовсюду выгнали, кажется...

Шейнис: Нет-нет. Это не тот. Он дважды сидел.

Назимова: Причем один раз семь лет.

Шалин: И уже в хрущевские времена...

Шейнис: Когда Хрущев читал свой доклад на XX съезде, для многих это было шоком. Сама концепция мне показалась [наивной?]. По известному анекдоту: «И это все, мальчик, на что вы способны?»

Назимова: Разумеется, какие-то факты были новыми, мы их не знали.

Шалин: Тогда стало ясно, что партия не реформируема.

Назимова: В таких категориях мы не думали. Процесс шел постепенно. Вот Венгрия, начались венгерские события. Виктор читал тогда публичные лекции по Венгрии, излагал факты, которые существенно расходились с официальными материалами. Тогда я вошла в комитет комсомола института, где тогда работала. Не то что у нас уже сложились законченные концепции об обществе, о роли партии — это складывалось постепенно. Мы концептуализировали актуальные события. А через них уже, я думаю, накапливались [соображения общего порядка].

Шалин: А в 70-е годы...

Назимова: Нет, принципиальных сдвигов в нашем представлении о происходящем в стране и мире уже не было.

Шалин: Еще пара вопросов, и мы закончим на этом. Когда стало ясно, что перестройка — это всерьез?

Шейнис: Опять же назову совершенно четкую дату. Это произошло между августом и декабрем 1986 года. Август — это поездка Горбачева на Дальний Восток и какие-то очень се-

³ Револьт Иванovich Пименов (1931–1990) - Советский математик, историк, участник диссидентского и правозащитного движения в СССР (политзаключенный 1957–1963, политссылный 1970–1974) народный депутат РСФСР (1990). <http://www.chronos.msu.ru/old/biographies/pimenov.html> А. Назимова и В. Шейнис проходили свидетелями по делу Пименова Р.И., Вайля Б.Б., Данилова К.Г., Заславского И.Д. и Вербловской И.С. в. в Ленинграде в 1957 г. (прим. ред.). URL: <https://arch2.iofe.center/person/27193>.

рзные заявления... А декабрь — это возвращение Сахарова из горьковской ссылки. Вот это было для меня решающим.

Назимова: Это было для нас всегда четким критерием. Мы говорили себе: « Вот если бы он сразу вернул его [Сахарова] ». А он это взял и сделал.

Шалин: А интеллигенция сразу за ним пошла?

Назимова: Нет, не сразу. Во многих людях, особенно старшего поколения, долго сидело опасение, настороженность, недоверие. Тем более что действительно, Дима, вернуть все в прежнее русло — это очень просто.

Шалин: Вы верите в обратимость процесса?

Шейнис: Нет, [это было бы] очень сложно.

Назимова: Может быть, на короткий срок.

Шалин: В истории нет ничего необратимого, как мы знаем.

Назимова: Но для нашего поколения этого хватит. Нам уже второй раз не подняться, понимаете? Как мы после XX съезда и оттепели были загнаны [в угол] и как долго поднимались..

Шалин: В Бостоне Грушины мне рассказали такую историю. Сидят они как-то в офисе, [смотрят выступление Сахарова], пьют чай, но без сахара. Никто своего из дома не принес. И кто-то тут говорит: « А я согласен пить чай без сахара, но с Сахаровым ». Мне тогда подумалось, а скажи-ка ты такое шахтеру, которому нечем руки помыть...

Назимова: Дима, здесь аберрация. Во всяком случае, в Москве никогда не было проблемы с сахаром.

Шейнис: Это во-первых. А во-вторых, что касается шахтеров, то сегодня ситуация там другая. Я ведь только что из Новокузнецка. Сегодня там идет забастовка — и не было ни одного экономического требования. Все требования политические.

Шалин: Этот вопрос меня интересует, потому что он касается роли интеллигенции в перестройке. Интеллигенция в общем поддержала Горбачева. Свобода слова, моральные устремления — все это очень хорошо. Но мне кажется, что интеллигенция здесь выиграла и материально больше, чем ряд других классов... Тут и возможность ездить за границу, и выступать на телевидении. Не то чтобы ее интерес был чисто материальным, но в чем-то ставка интеллигенции была выше, чем у других групп.

Назимова: Конечно. Это естественно, Дима. Это социальный выигрыш класса.

Шейнис: Почему мне нужно ездить за границу? Я за то, чтоб и шахтеры ездили туда, и кто угодно. Но для меня это момент моей социально-профессиональной роли... Мне нужны контакты, и что еще важнее, запас впечатлений [который] для меня важнее, чем [для кого-то еще].

Назимова: Контакты профессиональные и, как бы их назвать, социально-политические. Куда бы мы ни ездили [мы участвовали в] профессионально-политических форумах, где очень важно донести свою позицию, свое понимание.

Шалин: А можно ли сказать, что начался, и если да, то когда, процесс отхода интеллигенции от Горбачева? ... (*Шейнис прихлопывает комаров*).

Назимова: Да не надо, стена будет грязная. Три комара, Дима, они тебя очень любят.

Шейнис: Два комара закончили свою жизнь.

Назимова: Ну и что? Теперь грязная стенка.

Шалин: Как объяснить женщине, что инстинкт джунглей в нас, наверное, заложен... Вы считаете, что его [Горбачева] надо подталкивать, поддерживать. Но многие махнули на него рукой, говорят, что он — часть проблемы, а не ее разрешения.

Шейнис: (...) Есть достаточно широкий слой интеллигенции [который отошел от Горбачева].

Шалин: Вы не согласны с тем, что он [Горбачев] себя полностью исчерпал?

Шейнис: Не согласен. Не согласен.

Назимова: Не говоря уж о том, что пока, к сожалению, как говорил товарищ Сталин, «У нас для вас других писателей нет». Нет у нас человека, который бы обладал доверием [всех]. Горбачев показывает себя достаточно мастерски.

Шалин: Да. ...Мне не понравилось, как Горбачев себя вел на президентских выборах Ельцина. Мне он показался petulant [раздражительным] и arrogant [высокомерным]. В смысле темперамента мне он показался чужим человеком, не интеллигентным...

Назимова: Нет, ну конечно.

Шейнис: Конечно, конечно.

Назимова: Он не мог даже поздравить Ельцина.

Шейнис: Он отвратительно вел себя с Ельциным. Вся эта история...

Назимова: А его выступление на Съезде народных депутатов России перед избранием Ельцина, его откровенное давление, которое явно против него и сработало.

Шалин: ... И вот последний мой вопрос. Какой у вас прогноз на дальнейшее время и ближайшую перспективу относительно Горбачева и ситуации в целом?

Шейнис: Я хочу еще немножко добавить по поводу партии. Если бы на XXVIII съезде КПСС все закончилось взрывом справа [если бы победили Полозковы], я бы из партии не ушел. Если бы избрали в политбюро Лигачева и (*прерывистая запись*)... Это вселяет некоторые колебания [в правильности моего решения?]. Хотя я не могу сказать, что я конформист уж настолько... Не уйти из партии я просто сейчас уже не мог ни при каких обстоятельствах... Не думаю, что Горбачев себя исчерпал. Наверное, он поступает правильно, потому что, не являясь главой этой партии...

Назимова: Если бы Горбачев смог освободить республики, передать им полномочия, и республики на этом подъеме, на этом... Как показывает опыт Прибалтики, есть ресурсы, которые можно пустить в ход только благодаря тому, что люди почувствовали [себя свободными], возрожденными для дела. Если он [Горбачев] сможет это сделать, оставшись такой связующей силой наверху, то можно многого добиться. А пока, я думаю, единственный для него выход, — это укреплять свою личную власть. И поскольку у него нет особых надежд сделать все как надо — укрепить рынок, укрепить демократию, давая всем сестрам по серьгам, — я думаю, что в конечном счете он вынужден будет [сделать некоторые отступления].

Шалин: А дальше, через пять-семь лет?

Назимова: А дальше трудно думать. Сейчас так быстро меняется ситуация... На год, на два ситуацию можно изменить, вплоть до применения насилия, скажем, насильственно вводить рынок, подавляя забастовки и сопротивление аграриев.

Шалин: Но пока он свою власть употреблял не слишком часто.

Назимова: Ну, он ее только что получил. И в Литве он ее употребил достаточно гибко.

Шалин: Но предсказывать историю...

Назимова: Да, Дима, тем более что у нас так много связано с... [тем, как идет процесс не только в верхушке, но и захватывает глубинные слои общества.]

(*Конец аудиозаписи.*) Запись беседы с Виктором Шейнисом, 28 мая 1992 г.

Шалин: Я говорю с Виктором Леонидовичем Шейнисом. Сегодня у нас 28 мая 1992 года.

[Как вы сказали] надо выбирать курс между Сциллой и Харибдой.

Шейнис: Я думаю, что ни одно из крайних решений не является оптимальным: ни разгон парламента в той или иной форме, ни сохранение его в том абсурдном виде, в котором он был создан. Это ведь замечательное порождение аппаратной фантазии — соединить парламент с неким вече, сходкой, советом народных депутатов, который избирается... Кстати, вы помните, что Союзный съезд избирался на одну треть из представителей общественных организаций, по корпоративной системе, которая будила воспоминания о временах революции? Все это, конечно, абсурдно: парламент на тысячу человек. В Англии тоже большой парламент: палата общин — шестьсот человек, палата лордов — тысячи полторы. Но они же не занимаются тем, чем занимается наш парламент. Скажем, утверждается какой-то закон, изменения в Конституции может осуществить только съезд. И вот заседает съезд, тысяча человек, у каждого из нас огромное количество поправок, и каждая из этих поправок голосуется. Тысяча человек голосует. Даже время на [процедуру] голосования нужно огромное. Кроме того, еще люди выступают, спорят. Это совершенно невообразимая [ситуация]. Я уж не говорю о том, что люди, которые работают не на постоянной основе, мало способны вникнуть в суть дела. Это «замечательная» ленинская идея...

Шалин: Взаимозаменяемости.

Шейнис: Да, да, да. Они пришли из трудовых коллективов, поэтому-де отражают мнение народа и так далее... Вообще, это идея советской власти. Они не профессиональны, они внушаемы. Они четко знают, как им голосовать, когда выдвигаются острые критические вопросы, которые у всех на слуху. Но когда речь идет о законодательной технике, они могут шарахаться то в ту, то в другую сторону. Такой парламент, конечно, слабо работоспособен. Я вижу выход в том, чтобы попытаться провести реформу парламента в рамках самого парламента, не разгоняя его, потому что бог весть, что дадут выборы, бог весть, где придут избиратели, где они вообще не придут. А у нас действует закон, согласно которому если в избирательном округе пришло менее 50 процентов избирателей, то выборы считаются несостоявшимися... И сейчас у нас несколько округов не представлены в парламенте. На новых выборах таких округов будет много.

Шалин: Такие округа лишаются представительства на время сессии?

Шейнис: До тех пор, пока не изберут своих [представителей]. Можно, конечно, каждые несколько месяцев проводить выборы в надежде, что [выборы дадут желаемый результат]... Но надежды на это слабы...

Шалин: А на Западе есть минимальный [процент явки]?

Шейнис: Как правило, нет. Или эта граница очень низкая. Теперь дальше. Я думаю, что если бы были реальные выборы, то большая часть наших республик, входящих в состав России, просто откажется проводить референдумы, выборы, и это будет импульсом к дальнейшему распаду России.

Шалин: Откажутся на том основании, что...

Шейнис: ... это их не касается... Ведь с трудом удалось выработать какой-то компромисс на базе так называемого федеративного договора. Это в значительной мере замазывание тех противоречий, которые не сняты. Хорошо уже единственно то, что открытая перепалка сейчас отошла на задний план. Но федеральные власти не могут сделать в республиках то, что они считают необходимым, а республики не могут получить в федерации то, что они хотят. Это очень неустойчивое равновесие. В условиях такого политического соперничества нового центра — уже не всесоюзного, а всероссийского — и новых республик это очень рискованно.

Шалин: А насколько реален, учитывая все это, распад федерации?

Шейнис: Я боюсь, что это может произойти.

Шалин: Чем это может быть вызвано — голодом, безвластием в центре?

Шейнис: Очень трудно сказать.

Шалин: Но это не исключено. И вы видите свою задачу в том, чтобы в этой сложной ситуации делать что можно: проводить поправки к Конституции, улучшать законопроекты...

Шейнис: Мы выработали проект Конституции. В целом неплохой проект. Мы отдельными блоками уже вводим элементы новой Конституции в виде поправок в старую Конституцию. И это в какой-то мере спасает положение. Например, раздел о правах человека, он выведен на международные современные стандарты. Он лучше, чем американская Конституция в этой части. Просто американская Конституция создавалась определенным образом в определенное время. Но принимавшиеся позднее к ней поправки более или менее закрепляют права [человека]. У нас это разработано детальнее,

как разрабатывались Конституции XX века в странах, переходивших от тоталитаризма к демократии.

Шалин: А слабая часть Конституции?

Шейнис: Я думаю, что самая слабая часть — действующей Конституции или проекта?

Шалин: Проекта, хотя интересна и действующая Конституция.

Шейнис: Самое слабое — это, конечно, национально-государственное устройство, которое основано на федеративном договоре. Сделан вид, как будто проблему мы решили. На самом деле большая часть полномочий отнесена к сфере совместной компетенции. Здесь я предвижу осложнения, даже если Конституция будет принята... Здесь идет постоянное перетягивание каната. Потому что у нас есть сфера совместной компетенции, и мы не всегда можем договориться, кто выигрывает. Это первое. А второе — это государственное устройство, структура власти. Практически никто не отстаивал республику чисто парламентского типа. Конечно, все сравнения условны, ну, скажем, Германия или Италия. Выбор был между американской системой и французской. Президентской республикой и полупрезидентской республикой, условно говоря. По сути дела, сейчас мы сталкиваемся с шантажом ряда лиц в президентской администрации, которые считают, что президенту по новой Конституции предоставлены недостаточные права.

Шалин: И вы видите больше риска в предоставлении таких расширенных полномочий президенту, чем в парламентской системе.

Шейнис: Вообще, американская президентская система хорошо работает, по-моему, только в Америке. Когда ее попробовали вводить к югу от Рио-Гранде, везде получались авторитарные режимы. Поэтому я бы предпочел правительство отдельно от президента — это не кабинет помощников президента, а люди, которые должны получать вотум доверия в парламенте. Парламент должен выносить вотум доверия или недоверия правительству. У нас очень долго шли споры по этому вопросу, и в конечном счете мы приняли очень усложненную формулу, при которой парламент может выразить недоверие отдельно взятому министру. И тогда президент либо увольняет этого министра, либо сообщает парламенту свои соображения, почему он не хочет увольнять этого министра. И вот тогда уже парламент может выразить вторичный вотум недоверия, и в этом случае министр обязан подать в отставку. То

же самое по отношению к премьеру, но в отношении премьера требуется [не просто большинство, а] две трети голосов. И если премьер получил вотум недоверия, как там записано, «правительство решает вопрос об отставке». ... *(Перерыв в записи.)*

Шейнис: ... Я очень горжусь тем, что с подачи одного моего знакомого киевского социолога я ввел, по моей инициативе введено в Конституцию такое положение, по которому каждый вправе определять свою национальную принадлежность, и никто не может быть принужден обозначить свою национальную принадлежность.

Шалин: То есть все определяет внутреннее самосознание. И это положение введено в проект Конституции?

Шейнис: В новый проект Конституции. И более того, сегодня я сказал, что раздел о правах человека мы ввели в старую Конституцию почти целиком...

Шалин: Там прямо так и говорится, что отныне [национальная принадлежность базируется на самоопределении]? Это очень любопытно. Я этого не знал.

Шейнис: Тут у меня есть текст. *(Роется в документах.)*

Шалин: И он одобрен в принципе VI съездом?

Шейнис: Да, да, да. Сейчас, минуточку, найдем. Вот как это звучит: «Каждый вправе свободно определять и указывать свою националь-

ную принадлежность. Никто не должен быть принужден к определению и указанию его национальной принадлежности» ...

Шалин: Это статья 27, и она уже является законом.

Шейнис: Ну, в новом законе она, наверное, не 27-я, а какая-то другая.

Шалин: Нумерация изменилась. Но она там есть, и это уже закон.

Шейнис: Это закон, это уже принято. Мне тут как-то дали старую анкету, нужно было заполнять, не помню уже для чего, и там партийность уже убрана, а национальность еще стоит. Я написал «еврей», а потом приписал: «Но вообще, я такой вопрос считаю подлежащим исключению».

Шалин: Значит, вы можете не отвечать, если не хотите. Но здесь не говорится, что такой вопрос является неправомочным.

Шейнис: Нет, не говорится... Я думаю, что по смыслу этой статьи эта графа должна быть исключена из паспортов. Тут есть еще такое положение...

Шалин: Где говорится, что...

Шейнис: *(зачитывает)* «в паспорта, свидетельства, удостоверяющие акты гражданского состояния, удостоверения личности и другие документы не включаются сведения о национальности как не имеющие отношения к правовому статусу лица». Страница 46-я.

(Конец аудиозаписи.)

Авторы номера:

Любовь Борусьяк – ведущий научный сотрудник Лаборатории социокультурных образовательных практик МГПУ, Москва

Татьяна Ворожейкина – независимый исследователь, Москва

Екатерина Воскресенская – аналитик ООО SmartDec, Москва

Федор Воскресенский – адвокат Адвокатской палаты Ленинградской области

Екатерина Козеренко – Левада-Центр

Лев Гудков – Левада-Центр

Алексей Левинсон – Левада-Центр

Сергей Николюк – политолог, Минск

Антон Олейник – Университет «Мемориал», Канада

Марк Тольц – русско-израильский демограф, Еврейский университет в Иерусалиме, Израиль

Дмитрий Шалин – профессор социологии и директор Центра демократической культуры Университета Невады в Лас Вегасе, Лас-Вегас, США.